

ДУШЕ НА РОДИНЕ СВЕТЛЕЙ —

так написал в одном из своих стихотворений поэт Николай Алешков. Председатель Набережночелнинского отделения Всероссийской общественной организации «Союз художников России» Ленар Ахметов склонен согласиться с ним. Город Набережные Челны для того и другого ничто иное, как РОДИНА, хотя оба они в разное время были искушены Москвой и Казанью. В этой беседе мы попытаемся приблизиться к пониманию того, что же такое внешняя и внутренняя жизнь художника у себя дома, в Набережных Челнах: наша молитва, вознесённая к Всевышнему, исповедь за небезгрешное пребывание в стане живущих, или же просто кормушка богемных шалопаев, необязательный атрибут цивилизации.

— Ленар Замилевич, Вы себя сами относите к среднему поколению челнинских художников. Родились Вы 13 августа 1981 года — да, здесь, в Набережных Челнах. Для творческого работника у Вас прекрасный возраст, всё ещё впереди. Но и за спиной уже впечатляющий путь, много профессиональных достижений, успешных проектов. Ваши произведения находятся в собраниях государственных музеев, галереях Республики Татарстан, в частных коллекциях. И в то же время, главное ещё впереди. Но вот что интересно. Ваши годы детства и юности пришлись на «лихие девяностые», когда императивом для большинства населения была задача выжить любой ценой. Как же в такой ситуации не повлеклась юная душа вслед за массой адептов религии денег, одержимых страстью «найти лузера и навариться на нём», а напротив — устремилась к творческой самореализации?

— Общеизвестно, что общественные потрясения в первую очередь бьют по самым незащищённым. Мы, школьники, жили тогда в условиях разгула бандитских группировок, хулиганских сражений «мотальщиков» комплекс на комплекс, тиранства «старшаков», поборов на общак для сидельцев в местах не столь отдалённых. Взрослым было, по большому счету, не до детей: власть переживала переходный период, имевшиеся в ней очаги силы боролись за первенство; политика «шоковой терапии» убивала экономику предприятий; люди от безработицы ринулись с клетчатыми баулами по всему свету закупать западные шмотки и торговать ими на неприспособленных площадках, где их настигал базарный рэкет; учителя штурмовали

мэрию многотысячной толпой, требуя расчётов по зарплате — её если изредка и выдавали, то некачественным стиральным порошком. Преступность зашкаливала, расширяя спектр от банальных убийств на бытовой почве до рейдерских захватов госпредприятий. Махровым цветом расцветали присущие периодам бандитского капитализма социальные язвы — проституция, наркомания и... далее по списку.

И вот изволь, юная душа, созревать в мире, не приспособленном для детства. Существовать в школе, откуда выброшено понятие «воспитание», учиться по растлевающим и лживым учебникам, наскоро состряпанным голодной профессурой за подачки из Фонда Сороса, а главное, — противостоять в одиночку подростковой толпе, где господствует гопотняк.

Моё поколение школьников пережило шоковую терапию. Я замкнулся в себе. На тот момент это было спасение, возможность не слиться с толпой, противостоять стандартному инстинкту, утвердить свою индивидуальность. Вместе с реалиями западного мира пришли к нам и формы молодёжного сопротивления этим реалиям. Я увлёкся панком, музыкой протеста, и был в этом увлечении не одинок. Стихийно у нас возникали своеобразные фан-клубы. Правда, их оказалось не так уж много, поэтому противоречий не возникало. И мы все, в том числе хиппи, металлисты, знали друг друга, общались, были в одном кругу. Постепенно в подростковой среде слушать русский рок стали даже гопники.

Мои родители не без тревоги наблюдали за этим увлечением сына. Их можно понять, ведь наши кумиры были небезгрешны в отношении алкоголя, наркотиков и прочего. Родителям хотелось перевести меня на более спокойные творческие рельсы. И они постарались вызвать во мне интерес к изобразительному искусству. Основания были. Тётя как раз занималась у народного художника Мадияра Шариповича Хазиева. Я познакомился с её работами и был поражён, какие великолепные вещи доступны мастерству художника. Но было и другое. На выбор пути повлиял не рефлекс послушного мальчика, а внутреннее состояние. Будучи звукооператором одной музыкальной группы, я стремился к творческой самостоятельности, к обособленному развитию личности. А группа — это ведь тоже маленькая толпа. И вот изобразительное искусство посулило путь личного самовыражения. Его я и выбрал.

— Ленар Замилевич, меня, сменившего на веку тысячу занятий, правда, неизменно совмещавшего их с журналистикой, всегда удивляла способность отдельных людей раз и навсегда избрать род деятельности и в дальнейшем никогда не сходить с этого пути. В жизни великое множество интересных вещей. Но многое достаточно попробовать один раз: прыгнуть с парашютом, опуститься на дно морское, походить под парусами, подняться в горы, выпустить книжку, сыграть роль в спектакле и тому подобное. Но профессия — это другое. Она должна нравиться всю жизнь, и дело тут не только в корке хлеба. Особенно если дело касается творчества. Вы сохраняете верность пути художника со школьных лет. В чем причина этого постоянства?

— Я как раз человек тоже разбрасывающийся. Только разбрасываюсь я ВНУТРИ профессии, поскольку среди моих занятий монументальная и станковая живопись, графика, скульптура, дизайн, а также переосмысление традиционной техники шамайл и многое другое. Каждый новый проект несёт что-то интересное, необычное, выводит из зоны комфорта, заставляет развиваться. Но, конечно, на мою привязанность к искусству повлияли и замечательные наставники и те, кто трудился рядом. Они делились секретами мастерства, показывали добрый пример. Я бесконечно благодарен Мадияру Шариповичу Хазиеву и его замечательной художественной школе № 1. Я стал учеником мастера в 14 лет. Мастер не только заботливо вёл нас по пути овладения искусством, но и воспитывал, оберегал от дурных влияний, был внимателен к каждому. Наша первая встреча

навсегда осталась в моей памяти. Художник по памяти и воображению писал зимний пейзаж. Я был заворожён тем, как это происходит: у меня на глазах рождалось нечто прекрасное.

Мы, челнинские художники новейшего времени, по праву гордимся своими учителями, старшими товарищами по цеху, мастерами, оставившими огромное наследие. Это наши корни, богатый духовный потенциал, с которым мы всегда будем ощущать неразрывную духовную связь. Мы сформировались в этой среде, выросли на этой почве. И надо сказать, преемственность у нас многоступенчатая. Во времена Всесоюзной комсомольской стройки сюда направлялись большие десанты деятелей искусств, в том числе, видные мастера из лучших художественных вузов страны – Суриковки, Строгановки, ленинградской «Мухи» и других. Для челнинских художников 70–80 годов прошлого века это были незабываемые творческие встречи, уроки мастерства и важные профессиональные контакты. Такое взаимодействие не могло не оставить благотворного следа и в индивидуальном творчестве, и во внешнем облике города, в интерьерах общественных пространств.

Кстати сказать, замечательная работа проделана в нашей картинной галерее – издан каталог «Дизайн городской среды в Набережных Челнах 1970–1980 годов». Городское отделение Союза художников выступило в качестве экспертной организации. Прделана огромная работа в области экспертизы, фотофиксации объектов. Важно, что сделано это было своевременно. Увековечена память о художниках, создавших эту впечатляющую летопись эпохи. И получился важный документ, запечатлевший гигантский труд, который необходим, как фундамент для дальнейшего творчества.

А следом за осознанием этой задачи возникает необходимость сохранения объектов искусства, сбережения их художественного качества, обеспечения долговечности. К примеру, сегодня требуют реставрации городские памятники. Муниципальное руководство относится с пониманием к этой проблеме. Проводятся совещания, развёрнуты работы. Так, под руководством Владимира Яковлевича Акимова отреставрирован первый сегмент скульптурного комплекса на бульваре Энтузиастов. Восстановлено мозаичное панно на здании ДОСААФа. Молодые художники трепетно относятся к этой работе, с воодушевлением в ней участвуют. Наш город становится всё более зрелым, его художественные объекты нуждаются в деятельной заботе и сохранении.

Хорошо и то, что всякий юный челнинец, обнаруживший привязанность к изобразительному искусству, имеет полную возможность развиваться в этом направлении. Как и человек старшего возраста, вдруг осознавший свой издавна затаённый или внезапно вспыхнувший интерес к этому виду искусств. В нашей студии при Союзе художников и тот, и другой могут встретить квалифицированную поддержку, совмещающую учёбу и производственную деятельность с реализацией себя в изобразительном искусстве. Я и сам в непротые для страны годы окончил художественную школу, а затем смог продолжить образование на художественно-графическом отделении Набережночелнинского государственного педагогического института. Хорошо, что у нас есть этот очаг искусства. В годы студенчества я соприкасался с творчеством и личностями замечательных мастеров. Здесь же начал выставочную деятельность. Неизгладимое впечатление произвели на меня, к примеру, посещения мастерской уникального художника Виктора Сынкова. Его работы были поразительно искренними, и он был невероятно плодовитым автором. Он делал горы рисунков, знаменитых сынковских «почеркушек». Это очень меня впечатлило и вдохновило. Моя первая выставка состоялась, когда я был второкурсником – в 1999 году – в Центральной городской библиотеке, где и тогда, и сейчас молодые художники находят самый доброжелательный приём.

Я имел возможность с разных сторон посмотреть на место своего рождения — город Набережные Челны. И поныне пребываю в ощущении, что это, может быть, одно из тех благодатных мест, которые наилучшим образом располагают к творчеству. Нет столичного сумасшедшего ритма, но и далеко не медвежий угол. Современный градостроительный облик, непосредственная близость природы. Живописные камские берега, уникальные заповедные леса, переход от лесной зоны к степной. А в практическом отношении здесь удобный транспортный узел: легко добраться до Казани, Ижевска, Уфы. Это способствует расширению профессиональных контактов, проведению совместных выставок, осуществлению коллективных проектов. Но главное — город растёт, совершенствуется, облагораживается, даёт ощущение перспективы, распахивает необъятное поле деятельности для вдохновенного труда художников. Все эти обстоятельства и держат тебя в искусстве, не дают уйти во что-то, может быть, более прагматичное и хлебное.

— И все же путь художника не увязывается в нашем сознании с комфортным и благостным существованием. Скорее, мы готовы к восприятию художника как существа мятущегося, подверженного драматическим коллизиям как внутри себя, так и в отношениях с обществом. По крайней мере, именно на это настраивает нас мощная мировая традиция. Но возможно, это стереотип, оберегающий леность мысли. Нам непременно хочется видеть художника продирающимся сквозь некие «тернии» к каким-то своим «звёздам», не всегда нам понятным. Современная же философия вообще редуцирует человека к его художественной спонтанности, «взрыву галлюцинаций», чему примером может служить... наскальная живопись. А какие тернии и звёзды были на Вашем пути?

— Не сомневайтесь, у меня, как и у любого представителя того или иного вида искусств, тернии были, есть и в ближайшей перспективе не обещают удалиться. Начались они сразу по окончании института. В то время я оценил атмосферу в городе, как безрадостную для художников. Не увидел окрыляющих возможностей, о которых говорю сегодня. Поэтому и отправился в столицу счастья искать. С 2003 по 2006 год я жил в Москве и трудился в ландшафтной компании «Палисад». Здесь была команда выпускников Московского архитектурного института во главе с известным архитектором и художником Вячеславом Лабзиным. Я занимался тем, что рисовал проекты от руки, это была графика проектировочного плана. Как позитив, оцениваю то, что параллельно увлёкся художественной графикой. Москва повлияла даже на мой почерк. Но мегаполис есть мегаполис. Здесь суматошный ритм жизни, потогонная система. Необходимо было безостановочно работать, потому что приходилось снимать квартиру. Из этого круговорота невозможно было вырваться, «остановиться, оглянуться», войти в круг московских художников. И я как-то исподволь затосковал по малой родине, по татарской речи, татарскому гостеприимству, по белому городу на Каме. И увидел, что колесо повседневных забот съедает всё моё время, не даёт реализоваться как художнику.

И тут произошло знаковое событие, послужившее толчком для принятия радикального решения. В Москву за проектом «Кочующие свитки» приехала Альфия Ильясова. Когда я пришёл на выставку, то встретил там не только её, но и Мадияра Хазиева, Хамзу Шарипова, бывшего главного архитектора Челнов Рината Насырова, моего близкого друга и автора герба Удмуртии Юрия Лобанова. С ними я почувствовал себя в своей среде и понял, что нужно возвращаться на родину. Так и сделал. Первое время, вернувшись, посвятил преподавательской работе. Устроился на факультет дизайна ИНЭКО, вёл проектирование. Занимался со студентами дизайном, архитектурными макетами, музейными интерьерами, наружной рекламой. Был востребован и пользовался авторитетом как «художник из Москвы». Но в самой системе образования был сильно разочарован. Сказались прозаические обстоятельства. Ассистент получал здесь три тысячи, доцент — сорок, профессор — сто. А у меня родившийся в Москве сынишка молока выпивал на

тысячу. Так и закончился у меня этот период. Студенты мои повзрослели и профессионализировались — как художники и дизайнеры. Я с ними поддерживаю связи.

В 2011 году я целенаправленно занялся творчеством. У меня появилась серия работ с рок-музыкантами. Стиль серии можно обозначить как близкий к поп-арту. Позднее стали рождаться графические листы, выполненные под старые фотографии, винтажная графика, серия фантомов. Линейные и минималистичные зарисовки также составили особую серию. И вот уже по сей день меня увлекает работа на стекле. Я обратился к традиционной технике шамаиль. Здесь требуются стекло, фольга и голографическая плёнка, позволяющая изменять цвет работы при перемещении взгляда. Определённые канонические требования к этому жанру связаны с исламским происхождением. Это орнаментально-текстовые композиции. Мой творческий поиск привёл к расширению рамок традиции, к переносу её в светский формат за счёт включения изображений в связке с дизайном. Как мне представляется, это очень в духе нашего города. И что интересно, Духовное управление мусульман в Казани признало возможным использование техники шамаиль в светском контексте. Искусствоведы признают сегодня такое обновлённое, переосмысленное развитие как новое слово в национальном искусстве, уникальное в нашей республике.

А в 2012 году я переехал в Казань и стал работать в клубе художников «Кинетик Макс». Это было детище бизнесмена Максима Борисова. Увлекаясь искусством, он создал на базе дизайнерской студии клуб художников. Сообщество это просуществовало один год, но время оказалось плодотворным: мы смогли реализовать успешный проект «Марка». Картины с перфорацией по краям сопровождалась письмами в будущее, где художники отразили свои взгляды на судьбу искусства. Своим арт-проектом мы как бы проводили марки как таковые «на заслуженный отдых». Ведь роль почтовых отправок, а значит, и марок — это уже почти вчерашний день. Я в школьные годы сам коллекционировал марки, но мой альбом пропал во время выставки, демонстрировавшей увлечения учащихся. А там были кубинские, вьетнамские, корейские, африканские марки, целая коллекция с репродукциями картин Третьяковки и Эрмитажа. Эта тема оставила след в моей душе. И мы собрали более ста работ, причём были участники из Египта, Финляндии, арт-проект стал международным. Выставка побывала в Казани, Челнах, Уфе, Ижевске, Елабуге. Потом клуб исчез, я возвратился в Челны, а проект продолжается.

Не только искусство, но и вся наша цивилизация переживает процесс быстрых трансформаций. И мы, художники, живущие в разных городах и регионах, стараемся взаимодействовать, присматриваться к творчеству друг друга, чтобы лучше понять себя, своё время и отразить в работах ускользающие смыслы. В Набережных Челнах, например, сосредоточен авангард. Наш город — угловатый, состоит из «кубиков». Он белый, яркий. Это располагает к декоративности, условному языку. Казань тянется к классическому искусству. Но всюду остаётся проблема сосуществования искусства и дизайна. Порой происходит подмена одного другим, но открываются и возможности взаимопроникновения этих начал, поскольку вошли в жизнь графические редакторы, 3D принтеры, появляются новые материалы. Уже давно моё внимание привлекают практики художников Удмуртии. Здесь широко используют натуральные материалы, главным образом — древесину, поскольку дерево считается священным. Меня вдохновляет получившее здесь распространение направление этнофутуризма. Термин имеет финно-угорское происхождение и пришёл к нам из Эстонии. А суть направления сводится к тому, чтобы в условиях глобализационной модели, участвуя в интеграции, сохранять национальную идентичность. К примеру, я изобразил в технике шамаиль сникерс, чем выразил мысль о том, как в результате развала Союза мы променяли мощь на шоколадный батончик. В другой серии моих работ обыгрывается доллар, это соединение в одной плоскости разных культур, и

многое указывает на весьма вероятное исчезновение бумажных денег. Так что, может быть, я выразил «последний поклон» не только почтовым маркам, но и бумажному доллару, как резервной мировой валюте.

— К чести руководства республики и в отличие от многих регионов, корпус нашей творческой интеллигенции вышел из «реформ переходного периода» хоть и несколько поредевшим и слегка контуженным, но, к счастью, не помноженным на нуль. Вы сами себе в качестве председателя правления городского формирования Союза художников не кажетесь храбрецом, подхватившим знамя безнадёжного бастиона? Может быть, художники, люди вольнолюбивые и внутренне независимые, вообще не нуждаются в организационных структурах? А если нуждаются, то чем может помочь им организация?

— Председателем я стал в 2021 году. И первым документом, который взял в руки, разбирая дела, стала бумага о выселении художников из помещения, которое Союз занимает с 1971 года. Таким образом, все заданные Вами вопросы встали передо мной в полный рост двумя миллионами рублей долгов по жилищно-коммунальным платежам. Помещение Союза, включающее много мастерских, выведенное из жилищного фонда, находящееся на первом этаже многоэтажного дома, могло сделать нам ручкой. Честно скажу, не чужое это для меня место, в этих стенах я формировался как художник. И горько было видеть полный развал там, где в своё время создавались уникальные условия для творчества. Это стало бы для художников настоящей катастрофой. И город почувствовал бы серьёзный урон по части художественной культуры. Настоящее чудо её сохранения произошло благодаря вниманию городской власти. А художникам предстояло покончить с иждивенческими настроениями и осознать общность задач — при индивидуальном, разумеется, творческом пути каждого. А это непросто.

Прежде всего нам удалось достигнуть понимания со стороны поставщиков коммунальных ресурсов и руководства города по необходимости реструктуризации долга. И осознав свою роль как общественной организации, мы стали много внимания уделять продвижению изобразительного искусства в широкие слои общества. Создали, как я уже отметил, студию, где обучаются все желающие. Осуществили очень интересный проект «Культурная провинция». В рамках этого проекта мы основали десять галерей, куда были переданы — безвозмездно! — многие работы наших мастеров. Восемь таких галерей было создано в нашей республике и по одной — в Удмуртии и Пермском крае. Раньше был хороший лозунг: «Искусство — в массы!» И мы на практике подхватили его в новейшее время. Нет ничего более вдохновляющего, чем живой отклик и поддержка аудитории. Самую благодарную среду мы нашли у сельских жителей, посещающих экспозиции. С огромным интересом и неподдельной радостью воспринимают наши работы сельские дети, проявляя большое внимание и люди почтенного возраста.

Но я не уклонюсь и от того факта, что художники — это действительно особое сообщество со своими специфическими чертами и менталитетом. Здесь каждый знает себе цену и имеет собственную позицию по любому вопросу. Существует формальная и неформальная иерархия, поскольку люди все заслуженные, обладающие регалиями — членством в Союзе художников, званиями. Поэтому возглавлять такое творческое сообщество нелегко. Но необходимо! За свои убеждения, за ключевые задачи развития приходится бороться. Не стоит удивляться, что художники старшего поколения придерживаются консервативных взглядов на искусство и с большой осторожностью воспринимают новые веяния. Я же за то, чтобы современные тенденции принимать и двигаться дальше.

Нам необходимо закрепить достижения, максимально предать их публичности и смелее осваивать перспективные направления. Всё для этого есть. Мы продолжаем работать в своих мастерских. В них трудятся сорок членов Союза художников России и 83 члена Союза художников Республики Татарстан. В последнее время спрос на мастерские растёт,

потому что в наши ряды вливается молодёжь. За первый же год моего председательства в Союз приняты 23 человека. Это много. И теперь у нас на каждую мастерскую приходится по два – три художника. Получается – в тесноте, да не в обиде, а творческий рост происходит гораздо активней, когда ты находишься в своей профессиональной среде. У нас проходят мастер-классы, всегда вызывающие общий интерес. В Союзе действуют определённые социальные пособия, льготы. Мы бесплатно посещаем музеи и выставочные залы. Я, например, с большим интересом воспользовался этим правом в Санкт-Петербурге. Художники неизменно участвуют в проектах, финансируемых из Президентских фондов. В программах таких масштабных проектов, как Год культуры, Год литературы, Год 1000-летия принятия ислама в Прикамье и других всегда присутствует проведение тематических выставок, для этого предоставляются престижные площадки. У каждого есть возможность задумать свой значимый проект и получить грант на его осуществление. Челнинских художников всегда очень хорошо встречают в Казани.

Наша муниципальная администрация открыта к диалогу с художниками, и мы, таким образом, можем мечтать и строить планы дальнейшего развития. На наш взгляд, городу нужен музей изобразительного искусства с постоянно действующей экспозицией, своего рода челнинский «Эрмитаж». Пока что у нас галереи – сменные, а ведь в запасниках собрано множество ценных произведений, которые были созданы за время всей истории города, представляют его духовную, художественную летопись. Многих авторов картин уже нет в живых. Мы нуждаемся в некоей локации, где развивались бы классические и современные направления искусства, где присутствовали бы секция художественной фотографии, арт-резиденция молодых художников. На уровне республики есть понимание наших стремлений.

Набережные Челны интенсивно развиваются, облик города продолжает формироваться. Тут и художники могли бы сказать своё веское слово. У меня есть опыт изготовления архитектурных макетов, например, жилищного комплекса «Междуречье». Довелось заниматься интерьером музея истории города, расписывать потолок в здании ЗАГСа, выполнять роспись на бульваре «Дежа Вю». Нам необходимо тесно взаимодействовать с архитекторами. Челны – город неба и зелени. Здесь огромные перспективы. Невзирая на все оригинальные усилия придать застройке разнообразные колористические решения, он остаётся все-таки «белым городом». И мы, художники, воспринимаем его как чистый лист бумаги.

– *Спасибо за содержательный разговор, несущий жизнеутверждающее начало.*

Беседу вёл Евгений КОБЛЕВ

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ...

Дежавю

ЛЕНАР АХМЕТОВ. ВЕРНИСАЖ

Политик Навруз

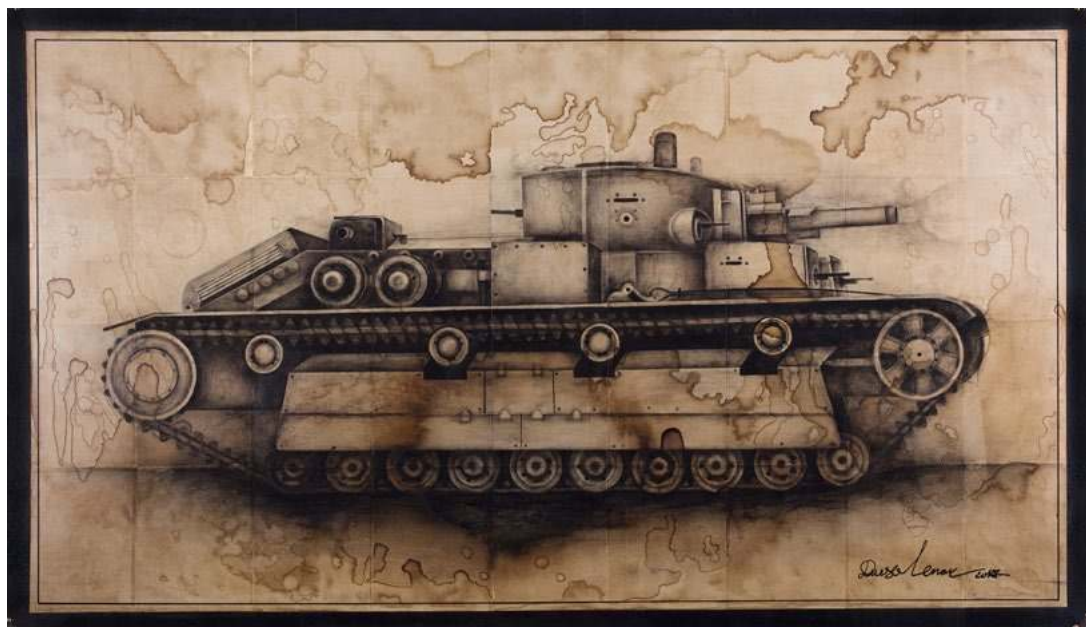

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ...

Полиптих Навруз

Противостояние

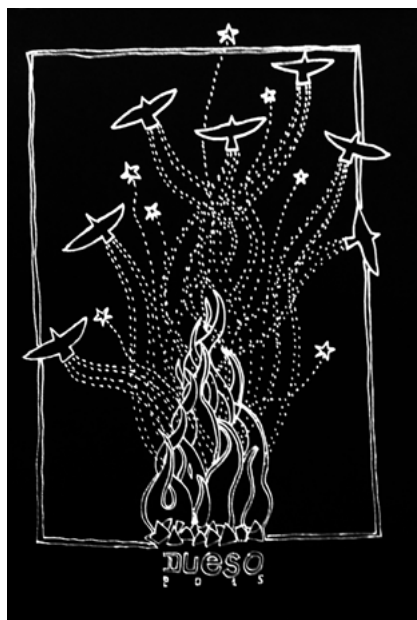

Моя деревня

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ...

Нардуган II

Костер

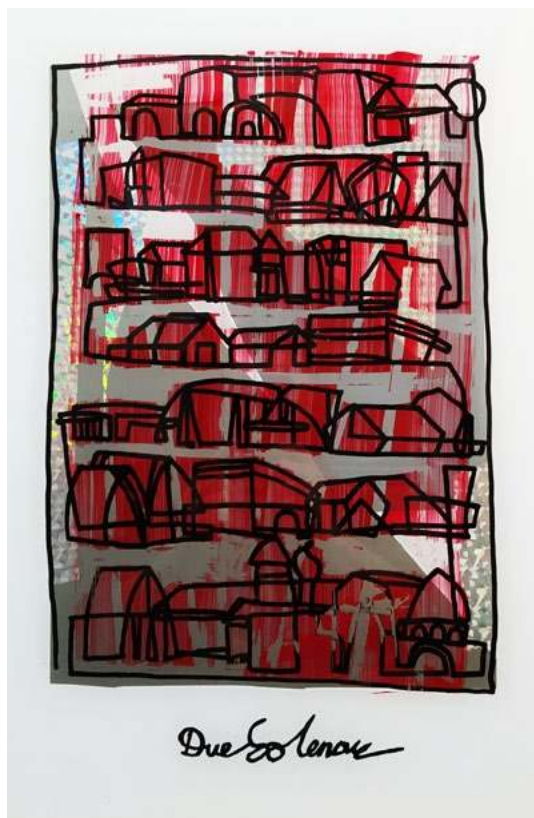

DUESO LENAR

Сак-Сок

Архитектурный стих I

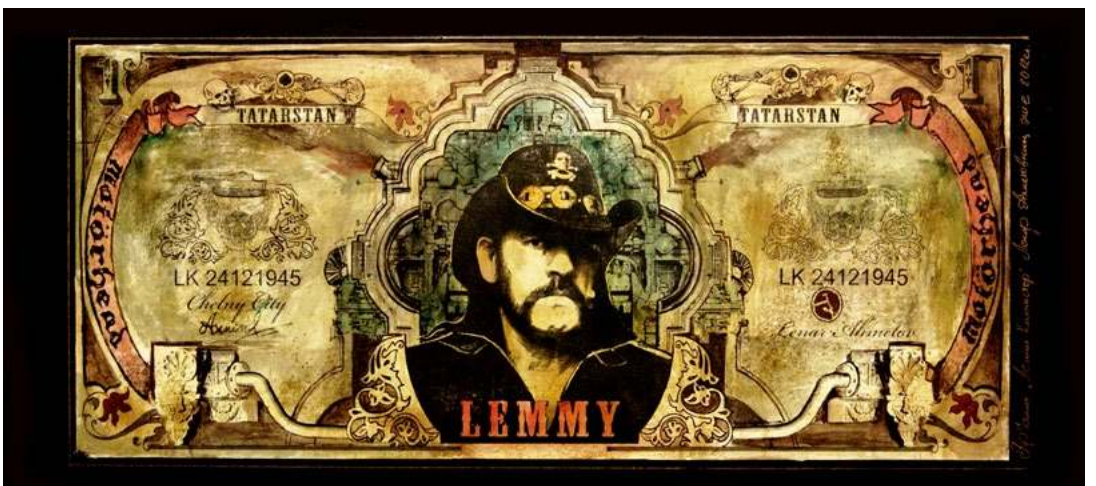

Архитектурный стих II

Нефть

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ...

Карга боткасы

